
Научная статья
УДК 398.22
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

МОТИВ НЕПРИЯТИЯ В АДЫГСКОМ (ЧЕРКЕССКОМ) ЭПОСЕ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Гутов, 2022

Аннотация. В статье рассматривается один из интересных и малоисследованных мотивов, который в адыгском эпосе выполняет важные функции как в построении сюжета и создании художественного текста, так и в характеристике образов персонажей. Предмет исследования представлен в его эволюции, в контексте изменений системы мировосприятия среды носителей фольклорной традиции. Устанавливается, что мотив неприятия может привести к антагонистическому противостоянию между сторонами или же, напротив, к снятию противоречий и взаимопониманию. Также он способен стать сюжетообразующим ядром повествования или второстепенным фактором, усложняющим сюжет и образную систему. В плане стадийного рассматриваемый мотив остается продуктивным от древнейших эпических образцов до современных литературных произведений. Исследование выполнено на материалах архаического нартского эпоса, историко-героических эпических циклов и образцов адыгской народной лирики.

Ключевые слова: неприятие, народный эпос, лирика, фольклор, художественный конфликт, антагонизм

Для цитирования: Гутов А.М. Мотив неприятия в адыгском (черкесском) эпосе // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 101–107. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

Original article

THE MOTIVE OF REJECTION IN THE ADYGHE (CIRCASSIAN) EPIC

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Gutov, 2022

Abstract. The article discusses one of the interesting and little-studied motifs, which in the Adyghe (Circassian) epic performs important functions both in building a plot and creating a literary text, and in characterizing the images of characters. The subject of the study is presented in its evolution, in the context of changes in the system of world perception of the environment of the carriers of the folklore tradition. It is established that the motive of rejection can lead to an antagonistic confrontation between the parties or, on the contrary, to the removal of contradictions and mutual understanding. It can also become the plot-forming core of the narrative or a secondary factor that complicates the plot and the figurative system. In terms of stages, the motif under consideration remains productive from the most ancient epic samples to modern literary works. The study was carried out

on the materials of the archaic Nart epic, historical and heroic epic cycles and samples of the Adyghe (Circassian) folk lyrics.

Keywords: rejection, folk epos, lyrics, folklore, artistic conflict, antagonism

For citation: Gutov A.M. The motive of rejection in the Adyghe (Circassian) epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 101–107. (in Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-101-107

Насколько нам известно, *неприятие* как явление не становилось объектом специального изучения ни в фольклористике, ни в литературоведении. Между тем фактор неприязненных отношений между персонажами присутствует в различных видах словесного искусства со всей определенностью, причем он играет немаловажную роль в создании художественного образа. В настоящей статье ставится задача установить наиболее характерные случаи проявления данного мотива, а также определить его основные функции в лиро-эпических и прозаических произведениях. Имеющиеся фактические материалы позволяют полагать, что он относится к числу древнейших мифо-фольклорных универсалий, которые оказались настолько устойчивыми, что функционируют на разных стадиях эволюции словесного искусства и в его различных жанрах, фольклорных и литературных. В частности, высказанное суждение подтверждается многократно примерами из адыгского народного эпоса.

Так, взаимоотношения между сообществом богатырей-нартов и центральным героем в архаическом эпосе адыгов чуть ли не изначально построены на неприятии нарта Сосруко как «от пастуха коров рожденного». Очевидно, что на ранней стадии, в период наиболее активного формирования данного эпического цикла в мировоззрении предков адыгов могли доминировать несколько иные предпочтения. Дело в том, что в древнейшие времена пастух имел высокий социальный статус как представитель одного из первых хозяйственных занятий человека доисторической эпохи, его фигура могла быть даже сакральной. На более высокой эволюционной ступени, когда проявляются первые признаки социального расслоения, на арену решительно выступает клан воинов, а представители некоторых мирных профессий утрачивают прежнее почтительное к ним отношение со стороны общества и оказываются на периферии его внимания. Понятно, что в подобных обстоятельствах стало уже гораздо более престижно вести свою родословную от какого-либо представителя разряда воинов, а то и воинских предводителей, а отнюдь не от прислуживающего им пастуха или земледельца, не имеющего прямого отношения ни к военному быту, ни к оружию. Естественно, в силу ряда объективных обстоятельств еще сохраняется на долгое время почтение к языческим покровителям растительного и животного мира, как и к божествам других сфер из круга прямых интересов рода или племени. Однако клан воинов уже выделяется из общинной среды и возвышается над другими как предтеча аристократического сословия. Поэтому наездник, добытчик и защитник от внешнего врага, не без доли высокомерия считает всех лиц невоинского родословия ниже себя по социальному статусу. Это не антагонизм, не откровенное противостояние, но уже достаточно выразительный признак проявляющейся все с очевидностью демаркационной линии, которая обозначает процесс социального расслоения.

По этой причине, например, нарт Сосруко, центральный персонаж всего многосюжетного и многогеройного архаического эпоса, на определенной стадии функционирования эпоса как жанра ставится в невыгодное для него положение «низкорожденного», не равного с другими нартами, а потому обреченного доказывать свою состоятельность. Чтобы утвердиться в высоком статусе нарта-наездника ему непременно требуется пройти испытание, совершить подвиг. В одном из самых популярных сказаний цикла об этом герое нарты отправляются в

поход, намеренно не позвав с собой Сосуко, в чем проявляется именно нежелание признать его равным себе, то есть пренебрежение и неприятие. Однако когда компания нартских наездников оказывается на грани верной гибели, выручает ее именно первоначально не признанный ими «низкорожденный» герой, тот самый, к которому они отнеслись высокомерно. Он добывает для них спасительный огонь, благодаря чему нарты не просто остаются живыми, а впоследствии даже совершают успешный поход, но уже под его водительством [Нарты 2012: 224–228, 232–234, 292–296]. Разумеется, герой не забывает о поступке спесивых соплеменников и в отместку за это демонстративное неприятие издевается над незадачливыми богатырями. Но это не столько признаки враждебного отношения, сколько один из выразительных знаков самоутверждения в качестве нового лидера.

В цикле о другом герое архаического эпоса, о нарте Ашамезе, представлена иная мотивировка неприятия: бывалые нарты признают героя слишком юным, чтобы брать его в походы, и также отправляются в путь без него, чтобы разыскать убийцу его отца и отомстить. Однако именно юный Ашамез, пустившись следом за ними, выполняет их же заветную задачу. Это можно рассматривать как поэтизированное отражение ритуальных инициальных испытаний, что нельзя отрицать, если принять во внимание, что герой не только мстит за отца, но этим доказывает свою состоятельность как воин, а помимо того привозит и богатую добычу, и невесту. Как характерно для художественного нарративного текста, данный сюжетный ход полифункционален.

В отличие от нарта Сосуко, Ашамез после решения главной проблемы, расправы с кровным врагом, не просто демонстрирует взрослым воинам свою состоятельность и даже преимущество, но уже доводит ситуацию до конфликта: расправившись с врагом и утвердив таким образом собственное превосходство, он откровенно издевается над другими богатырями – отбирает их долю добычи, уродует их прислужников [Фольклор адыгов 1979: 105–114]. То и другое носят выраженный знаковый характер и символизируют откровенный вызов тем самым «бывалым нартам», которые опрометчиво посчитали его недостойным состоять в их взрослой компании.

То же мы видим и в цикле о нарте Батразе. Как и Ашамез, он еще в колыбели проявляет признаки богатырства, разрывает ремни люльки и сразу начинает ходить. Это вызывает тревогу у его кормилицы, которая, испугавшись, что враждебно настроенные нарты могут расправиться с младенцем, укладывает его в ту же люльку (субститут корзины, коробки, ладьи, призванной надежно защитить младенца) и опускает в воду / реку [Кабардинский фольклор 1936: 69–70; Нарт хьыбархэр 1945: 66–67]. Здесь мы имеем аналог мировой сюжетной универсалии, удаление новорожденного, известной как устойчиво отмеченная составная часть «эдипова комплекса». Дж. Фрэзер находит объяснение такому способу удаления боязнь правителя за свой трон: согласно принятому правилу, предводитель может находиться у власти до тех пор, пока он не будет побежден в поединке более молодым претендентом [Фрэзер 1980]. Поэтому исходным мотивом удаления является откровенное желание устранить своего будущего соперника и продлить этим собственную жизнь и пребывание у власти. Если принять такое объяснение, то справедливее будет назвать удаление младенца *комплексом Лаия*. Как правило, младенец не умерщвляется немедленно, а вместо этого удаляется, и это позволяет нам причислить данный эпизод к проявлениям мотива неприятия. Хотя в данном случае ситуация более всего приближена к антагонизму, конфликт здесь еще не обозначился. Классический вариант актуализации данного мотива – герой, который должен был погибнуть, спасается и впоследствии совершает подвиг или даже серию громких деяний, в их числе и предопределенных оракулом.

Возвращение нарта Батраза в адыгском фольклоре контаминировано с мотивом кровной мести: оно сопровождается расправой с кровным врагом, но этим

претензии героя не исчерпываются, и они приводят к открытому противостоянию со всем обществом: герой требует в качестве виры за кровь отца совершить такие действия, которые заведомо невыполнимы. Однако, несмотря на значительно более суровый характер обращения Батраза с нартами, которых он винит в гибели отца, по сути, это также не что иное, как символическое и фактическое самоутверждение в качестве не просто в статусе одного из полноправных богатырей, а и новоявленного предводителя, которому отныне должны подчиняться все богатыри.

Удаление как одна из конкретных форм неприятия имеет место и в младшем эпосе адыгов. Так, например, по одной из версий появления героя на свет мать укладывает новорожденного в короб и опускает в море [Андемиркан 2019: 99, 287]. Это одна из модификаций мотива удаления, широко известного по сюжету о царе Эдипе и отмеченного также в адыгском архаическом эпосе. В качестве каузальной основы такого поступка адыгское сказание называет опасение матери за собственную жизнь и за судьбу младенца. Однако смена причины не устраняет самого действия из коллективной памяти. В том же цикле сказаний представлен сюжет, опирающийся на удаление неугодного героя в чужой край с явным намерением погубить его: верховный князь, или просто князь, отправляет героя к крымскому хану (в вариантах – к своему дальнему товарищу) якобы с важным поручением. На самом деле в письме, которое герой должен был передать лично адресату, содержалась просьба погубить его предьявителя. Это еще одна фольклорная универсалия, известная как *подмененное письмо*. Обычно герой вместо того чтобы погибнуть обретает или надежную защиту, или богатство и невесту. Согласно некоторым версиям цикла об Андемиркане, дочь хана, очарованная красотой юноши, узнает содержание послания и подменяет письмо на другое – с просьбой выдать ее за героя [Адыгские историко-героические песни ... 2019: 61–62, 91–92, 330–331]. В вариантах сказания адресат письма подвергает героя серии испытаний, типологически сходных с трудными задачами, которые дает Гераклу царь Эврисфей в древнегреческом мифе. После успешного выполнения этих заданий неприязненное отношение к Андемиркану меняется на благожелательное.

В цикле сказаний о том же герое неприятие имеет две причины. Во первых, он не признается равным с «чистокровными» князьями, так как, по одной из распространенных версий, происходит от связи князя с простой крестьянкой. Поэтому за ним закрепляется прозвище *тума – метис, полукровка*. Вторая причина – его дерзкое поведение в сочетании с тем, что в силе и воинском искусстве он превосходит всех, в том числе и самого верховного князя. Это может подспудно рассматриваться как посягательство на власть (или же отголосок древней формы преемственности правления) и становится причиной неприятия со стороны повелителя, а поэтому перерастает в открытую вражду, приводящую героя к гибели.

Однако не всегда неприятие влечет за собой антагонизм. Так, в цикле о бывалом наезднике Нартуге песня помогает герою вернуть к себе достойное отношение со стороны общества и сменить неприязненное отношение, вызванное тем, что общество не ведало о подлинных достоинствах героя [Гутов 2021: 53–55].

В другом цикле, о Каракашкатауской битве, отмечен интересный случай – остракизм, которому подвергается герой: некий молодой и без меры дерзкий, неуживчивый дворянин Лазароко изгоняется из общества и находит пристанище в Крымском ханстве. Это не конфликт, доведенный до открытого противостояния, а именно наказание ввиду неприятия. Впоследствии, когда крымцы собираются совершить набег на Кабарду, они назначают его своим проводником. Но, осознав свою неправоту, герой, уловив момент, бежит из крымского войска и успевает предупредить кабардинцев об опасности. Ни в песне, ни в прозаическом сказании не сообщается о дальнейшей судьбе этого персонажа, но из контекста очевидно,

что примирение все-таки состоялось или же было наиболее вероятно [Адыгэ Гуэрыуатэхэр 1969: 187–192].

В некоторых случаях мотив неприятия, являясь одним из катализаторов развития действия, в развязке не приводит ни к примирению сторон, ни к обострению отношений. Так можно оценивать функцию данного мотива в цикле о Нашхожуко: герой, возвратившийся из похода, находит свое селение разоренным и предлагает обществу организовать погоню за грабителями. Ссылаясь на многочисленность и силу врага, соплеменники не решаются на такое рискованное дело. Тогда герой в одиночку настигает вражеский отряд и отбивает у грабителей свое добро и свою жену. Осмелевшие при виде этого соплеменники просят его о новом нападении на врага, но Нашхожуко, помнящий о проявленной их слабости и не приемлющий ее, отказывается от этой затеи [Гутов 2021: 150]. Здесь, как характерно, нет прямого противостояния и вражды, но мотив неприятия малодушия оказывается одним из центральных и в сюжете сказания, и в содержании песни. Отказ героя совершить вторичное нападение на неприятеля это не знак вызова обществу и также не свидетельство примирения. Скорее всего, это урок, преподанный смелым рыцарем-наездником.

Неприятие, отчужденные отношения между персонажами или же между героем и коллективом могут быть как одним из ряда компонентов сюжета, так и основным сюжетобразующим мотивом сказания. Например, в прозаическом предании из цикла о Гучипсе, возникшем на сравнительно поздней стадии продуктивной жизни младшего эпоса, основной причиной возникновения конфликта стало именно неприязненное отношение братьев Кармовых к своему односельчанину Камботу Сатушиеву, известному смутьяну. Братья, принадлежащие к знатной фамилии, принимают высоких гостей и не хотят в праздничный день видеть Камбота, явившегося к ним с поздравлением. Следствием неприятия становится трагедия: вспыльчивый посетитель в порыве гнева убивает Гучипсу, который добровольно вызвался избавить Кармовых от общения с ним [Народные песни... 1990: 390]. Примечательно, что это сугубо бытовое происшествие послужило каузальной основой возникновения песни лироэпического характера, в которой акценты смещены настолько, что погибший незадачливый «медиатор» представляется настоящим героем, братья Кармовы – злодеями, а имя настоящего убийцы даже не упоминается.

Как явствует из рассмотренных сведений, побудительные мотивы негативных отношений могут быть разными. Однако примечательно, что в перечне подобных причин довольно редко встречается принадлежность к другой этноязыковой группе. Это можно объяснить или пока еще недостаточно развитым чувством самосознания данного общества, или же, напротив, настолько высоким развитием, которое позволяет преодолеть прямолинейное размежевание по принципу *свой – чужой*. В нашу задачу не входит решение этой весьма сложной и щепетильной проблемы, но есть основание признать, что если внимание общества не заостряется на данном факторе, то оно, это общество, достаточно открытое для контактов и для взаимодействия с инокультурными феноменами. В данном плане представляет интерес песня «Приход русских», возникшая, как можно полагать, в XIX в., во времена активного освоения новопоселенцами территории Северного Кавказа. Впервые она была опубликована Л.Г. Лопатинским и П.И. Тамбиевым в XXV выпуске Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа [Сборник 1898, отд. 3, с. 61–66]. Резонно было бы ожидать от песни на тему появления непрошенных пришельцев острой и едкой сатиры. Судя по некоторым фрагментам, так оно и может представиться. Однако основной пафос отнюдь не полное отрицание и осуждение, а оценка явления в духе амбивалентной смеховой культуры. Один из способов, которыми создается сатирико-комический эффект, это сочетание откровенно неприязненных оценок с указанием позитивных новшеств,

а также непривычных и пока еще чуждых, но не отвергаемых бытовых элементов. В одном ряду стоят вытеснение коренных жителей с пастбищных угодий и открытие торговых заведений, вырубание яблонь и груш и похвальная деловитость, с которой русские осваивают пространство, увлечение «табачищем» и удачливость в начинаниях, привычка насаждать свои правила и охота строить дороги и мосты через реки, то есть ойкуменизация пространства. К сожалению, песня дошла до нас в текстовой записи, без нот и музыкальной характеристики. Но, судя по содержанию вербального текста, можно быть уверенным, что мелодия гармонично дополняла доминирующий смеховой акцент произведения с элементами трагедии. В подобном ключе сочинялись песни, исполняемые на вечеринках молодежи, когда жители одного селения вышучивали, порою далеко небезобидно, представителей соседних селений. Те же отвечали не менее острыми куплетами. Поэтому появление смеховой сатирической песни можно рассматривать отнюдь не как отторжение и полное неприятие, а, напротив, как своего рода объективную констатацию появления нового соседа. В плане типологическом произведение стоит по своему стилю между типичными историко-героическими циклами и песней бытового характера.

В песнях и сказаниях бытового и любовно-лирического характера мотив неприятия нередко становится центральным. В целом ряде песен по-разному интерпретируется мотив неодобрения или прямого неприятия родственниками союза двух влюбленных, что становится лейтмотивом переживаний лирического героя. На данном принципе построен основной конфликт таких широко распространенных песен как «Сетования изгнанной невесты» (вариант песни о Хатха сыне Магомте), », «Таукан», «Полевая голубка» [Къэбэрдей уэрэдхэмрэ... 1948: 59, 64–65, 129] и др. В них часто оказывается очевидной условность называемого конфликта, и это полностью выводит произведение из сферы утилитарных функций, когда возникновение песни связывается с конкретным реальным событием, в сферу эстетического осмысления действительности.

Рассмотренный материал, несмотря на его неполноту, позволяет сделать вывод о том, что мотив неприятия – один из древнейших и ключевых в адыгском эпосе и фольклоре в целом. Если на раннем этапе эпического творчества он сохранял связь с архаическим мотивом, условно обозначенном нами как *комплекс Лаия* (нарт Батраз), в других проявлениях причины обращения к нему варьируются. Это может быть недооценка героя, не прошедшего обряда посвящения во взрослое сообщество (Ашамез), в других – социальное неравенство (Андемиркан), в третьих недопонимание или отступление от принципов рыцарской этики (Нартут, Нашхожуко), наконец, немотивированная неприязнь к противной стороне (любвные лирические песни). Независимо от причинно-следственных отношений неприятие как мотив играет важную роль в сюжетообразовании, характеристиках персонажей и создании художественных образов в эпосе.

Список источников

Адыгские историко-героические песни ... 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Том первый. Андемиркан. Под ред. А.М. Гутова. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.

Адыгэ Гуэрыгуатэхэр 1969 – *Адыгэ Гуэрыгуатэхэр*. 2-нэ т. Зэхэз. КъардэнгушцІ З.П. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 412 (Адыгский фольклор. Т. II. Сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1969. 412 с.).

Гутов 2021 – *Гутов А.М. Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов*. Нальчик: Принт-центр, 2021. 232 с.

Кабардинский фольклор 1936 – *Кабардинский фольклор*. Сост., вступит. ст., коммент. М.Е. Талпы. М.-Л.: Academia, 1936. 644 с.

Къэбэрдей уэрэдхэмрэ ... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ*. Зэхэз. Шортэн А. сымэщ. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхыль тедзапIэ, 1948 (Кабардинские песни и пословицы. Сост. А.Шортанов и др. Налчык: Кабардинское государственное издательство, 1948). Н. 196.

Народные песни ... 1990 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор 1990. 488 с.

Нарт хъыбархэр 1945 – *Нарт хъыбархэр* (Нартские сказания). Под редакцией А. Дадова, Х. Эльбердова. Налчык: Кабгосиздат, 1945. 82 с.

Нарты 2012 – *Нарты*. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко. Под общей редакцией А.М. Гутова. Налчык: Тетраграф, 2012. 424 с.

Фольклор адыгов 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв*. Сост. А.И. Алиева. Налчык: Эльбрус, 1979. 404 с.

Фрэзер 1980 – *Фрэзер Джеймс Джордж*. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Изд. политической литературы. 1980.832 с.

References

Adygskiyе istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. Tom pervyy. Andemirkan. Pod red. A.M. Gutova. Nal'chik: IGI KBNTS RAN, 2019. 430 s.

Adyge iueryiatekher. 2-ne t. Zekhez. K"ardeng"ushchI Z.PI. Nalshyk: El'brus, 1969. N. 412 (Adygskiy fol'klor. T. II. Sost. Z.P. Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1969. 412 s.).

GUTOV A.M. *Poetika i stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov*. Nal'chik: Print-tsentr, 2021. 232 s.

Kabardinskiy fol'klor. Sost., vstupit. st., komment. M.Ye. Talpy. M.–L.: Academia, 1936. 644 s.

K"eberdey ueredkhemre psal"-ezh'khemre. Zekhez. Shorten A. symeshch. Nalshyk: Keberdey k"eral tkhyl" tedzapIe, 1948 (Kabardinskiye pesni i poslovitsy. Sost. A.Shortanov i dr. Nal'chik: Kabardinskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1948). N. 196.

Narodnyye pesni i instrumental'nyye naigryshi adygov. Pod red. Ye.V. Gippiusa. T. III. Ch. 2. M.: Sovetskiy kompozitor 1990. 488 s.

Nart kh"ybarkher (Nartskiyе skazaniya). Pod redaktsiyey A. Dadova, KH. El'berdova. Nal'chik: Kabgosizdat, 1945. 82 s.

Narty. *Adygskiy epos*. Ranniye tsikly eposa. Sosruko. Pod obshchey redaktsiyey A.M. Gutova. Nal'chik: Tetragraf, 2012. 424 s.

Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – nachala XX vv. Sost. A.I. Aliyeva. Nal'chik: El'brus, 1979. 404 s.

FREZER, DZHEYMS DZHORDZH. *Zolotaya vetv'. Issledovaniye magii i religii*. M.: Izd. politicheskoy literatury. 1980. 832 s.

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07. 2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 20.07. 2022; accepted for publication 28.07.2022.